

***

Снятие швов

***

Имюэль вздрагивал от каждого тычка, но не смел шелохнуться. Он не проронил ни звука, когда Бай Юй решительно засунул его под одеяло. Закончив переодеваться, врач сам забрался в постель. Он занял ровно половину, великодушно предоставив остальное место коту — теперь, даже если Туаньцзы решит ночью крутиться, он ни за что не свалится на пол.

Расправив одеяло, Бай Юй ещё раз поправил положение пушистого пациента. Он устроил его в самом центре кровати, чуть ниже подушек, чтобы тот был надёжно укрыт.

«...»

Лекарь не спешил засыпать. Он зажжёт лампу для чтения и, раскрыв взятый с полки томик, погрузился в изучение строк, явно намереваясь провести за этим занятием не один час.

А это означало, что Имюэль оказался прижат вплотную к бедру мужчины. Чуть выше, и он бы коснулся...

Герцог стиснул зубы.

«Проклятье... Какая неслыханная дерзость!»

Этот врач из подпольной лечебницы оказался не только жестокосердным, но и возмутительно бесстыдным в своих манерах.

Правитель Иллирии не мог стерпеть подобного унижения. Имюэль осторожно выпустил когти и начал сантиметр за сантиметром отползать в сторону, пытаясь спасти остатки своего достоинства.

Однако его маневр был мгновенно раскрыт.

Почувствовав, как кот пытается сбежать, Бай Юй, не отрывая левой руки от страницы, правой подхватил его и вернул на прежнее место.

— Что ты возишься? — небрежно бросил он. — Разве тебе не холодно?

За окном завывал ледяной ветер, в ночном небе кружилась мелкая снежная крупа, а стёкла затянуло морозным узором. Даже Бай Юю было зябко, что уж говорить об Имюэле, который из-за потери крови страдал от холода вдвойне.

Оказавшись вновь притянутым к телу врача, Имюэль ошетинил шерсть на хвосте. Он настороженно следил за мужчиной, но тот, казалось, сделал это совершенно машинально. Бай Юй даже не взглянул на него, продолжая изучать текст.

В тишине комнаты лекарь выглядел на удивление сосредоточенным. Свет от лампы дробился в стёклах его очков в серебряной оправе, ложась тонкими бликами на переносицу.

Имюэль не мог не признать: природа одарила этого человека незаурядной внешностью. Его длинные пальцы, сжимавшие корешок, были изящными, с чётко очерченными костяшками, а черты лица — холодными и отстранёнными. Всё в нём идеально соответствовало образу сурового костоправа, который сложился в голове у герцога.

Понимая, что один побег уже провалился, Имюэль побоялся злить врача снова. Он замер и, покорно прижавшись к чужому бедру, свернулся клубком. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом переворачиваемых страниц.

«...»

Бай Юй читал «Сборник стихов Ксориэля» — труд старого бродячего поэта, в котором были собраны народные предания и колыбельные Иллирии. В соборах эту книгу обычно использовали для начального обучения детей, и взрослые к ней редко возвращались. Но доктор листал её с неподдельным интересом.

Размеренный шелест страниц напоминал мягкий белый шум. Под тёплым одеялом, согретым телом врача, Имюэль незаметно для самого себя начал погружаться в сон. Несмотря на всё унижение от близости к незнакомцу, усталость взяла своё. К тому моменту, когда Бай Юй закрыл книгу, герцог уже сладко спал, спрятав нос в пушистых лапах.

В полусне он почувствовал, как чьи-то пальцы ласково коснулись макушки.

— Спи, котейка.

Бай Юй приглушил свет лампы, но лечь не стал. Он продолжал перелистывать страницы, вглядываясь в текст.

66, всё это время пребывавшая в глубоком унынии, наконец немного пришла в себя. Она всё ещё отказывалась устраиваться на плече Бай Юя, как делала это с прежними хозяевами, и лишь парила поодаль, тихо зевая:

[Хост, уже почти полночь. Разве ты не собираешься спать?]

— Дочитаю этот отрывок, — отозвался Бай Юй.

[Что это за книга такая? Неужели настолько интересная?]

— Я не книгу читаю, — Бай Юй коснулся пальцем строк. — Я изучаю это.

66 присмотрелась и увидела в тексте множество пометок. Они были самыми разными: кружочки, треугольники и странные символы, которые она даже не могла описать — словно тайный шифр.

Бай Юй закрыл книгу и устало потёр переносицу:

— Если я не ошибаюсь, это ключ к какому-то коду. И субботнее собрание в соборе Вест-Сити наверняка связано с этим.

Использование литературы для расшифровки посланий было излюбленным приёмом подпольных организаций. Каждому знаку соответствовала цифра или буква, и с помощью обычного томика стихов агенты могли передавать огромные объёмы информации. Оставалось лишь понять, к какой именно организации принадлежал прежний владелец этого тела.

Оригинальный текст романа был заблокирован, и даже система знала лишь ключевые сюжетные повороты, не владея деталями. Бай Юй не был специалистом по криптографии. Он попытался взломать код, но без исходного сообщения это было невозможно. Отложив стихи в сторону, он наконец погасил лампу.

Ночь прошла спокойно.

***

На следующее утро Имюэль проснулся от знакомого звука ударов ножа по дереву.

Он получил еду, тепло и отдых — его золотистый хвост произвольно дрогнул, герцог чувствовал себя гораздо лучше. Ритмичный стук доносился из кухни. Имюэль повёл ушами и, осторожно соскользнув с кровати, подошёл к двери. Приоткрыв её лапой, он высунул мордочку и принялся разведывать обстановку.

Сквозь щель снова донёлся запах сырой рыбы. Кот наморщил нос.

«Это... снова для меня?»

Трудно было поверить, что этот холодный лекарь действительно каждое утро усердно готовит ему обед. Проведя в этом доме сутки, Имюэль окончательно убедился: врач не собирается убивать его немедленно и не рассматривает как одноразовый материал для опытов. В конце концов, никто не станет делить постель и одеяло с подопытным образцом.

Имюэль задумался. Похоже, сейчас его роль — это домашний питомец, приبلудный кот, призванный греть руки хозяину и служить живой игрушкой для забавы. Именно поэтому врач постоянно твердил: «Будь хорошим мальчиком». Ведь единственный смысл держать такое слабое и бесполезное существо — это его покорность. Если он перестанет быть «паинькой», лекарь наверняка быстро от него избавится.

Глаза Туаньцзы потемнели от серьёзных мыслей. Он припал к полу за дверью, а его хвост мерно раскачивался, делая его похожим на пушистый одуванчик. И этот «одуванчик» сейчас хладнокровно анализировал ситуацию.

В нынешнем положении у него не оставалось иного выхода, кроме как смириться с ролью питомца.

Все окна и двери в лечебнице были наглухо заперты — Имюэль уже проверял. Он не мог ни открыть их, ни выбраться наружу. К тому же он не знал, в какой части города находится. В теле кота ему вряд ли хватило бы сил добраться до герцогского дворца. И самое главное — его дядя наверняка прочёсывает город. Появиться сейчас на виду означало верную смерть. На этом фоне участь домашнего кота выглядела вполне разумным выбором.

Для Имюэля в этой роли были свои плюсы и минусы.

Плюс в том, что ему не нужно было беспокоиться о жизни и пропитании. Врач обладал стабильным доходом и приличным социальным статусом. Лечебница стала для герцога временным убежищем — тихим местом, где можно спокойно залечить раны и переждать период превращения. Этот период обещал быть долгим, сопровождаясь моментами невыносимой боли, и скитаться в это время по улицам без еды и чистой воды было бы невыносимо.

Минус же заключался в том, что ему приходилось притворяться послушным и ласковым. Герцог Имюэль считал себя человеком, способным приспособливаться к любым обстоятельствам, так что изобразить покорность было не так уж трудно.

Куда больше его беспокоило другое: врач мог решиться на модификацию его тела.

Подобные операции на кошках были в этом городе обычным делом. Дамы и господа Иллирии обожали своих пушистых любимцев. Имюэль не раз видел, как знатные особы приходят с кошками на чаепития, а аристократы соревнуются, чьё животное более воспитано. И чтобы коты не портили когтями дорогие наряды, их часто подвергали калечащим процедурам. Врачи просто вырезали питомцам последнюю фалангу на лапах, навсегда лишая их возможности выпускать когти.

Если этот лекарь решит проделать такое с ним, то, вернув человеческий облик, Имюэль навсегда останется калекой. Это было абсолютно неприемлемо.

Пока он размышлял, прислушиваясь к звукам извне, стук ножа прекратился. Это длилось около двадцати минут. Имюэль бесшумно запрыгнул обратно на кровать, принял чинную позу и зажмурился, притворяясь спящим.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату вошёл Бай Юй. Он остановился у постели. Врач осторожно перевернул его на спину и коснулся пальцами живота.

Ради операции шерсть на этом месте была сбрита, и теперь там виднелась лишь голая розовая кожа. Ощувив прикосновение к плоти, Имюэль едва сдержался, чтобы не отпрянуть. Никто и никогда не смел касаться живота великого герцога Иллирии.

Но Бай Юй внимательно осматривал рану, не пропуская ни единой детали. Из-за близорукости он наклонился совсем низко, так что Имюэль чувствовал его тёплое дыхание. В тот момент, когда герцог уже начал сомневаться, стоит ли продолжать игру в спящего, Бай Юй отстранился.

Он поставил в угол миску с молоком и блюдо с рыбным фаршем. Когда шаги лекаря стихли, Имюэль настороженно приподнялся.

«Ушёл?»

Он осторожно вытянул лапу. Шаг, другой — и вот он уже спрыгнул на пол. Сегодня в меню было не только молоко и рыба. Врач, видимо, заглянул на утренний рынок и приготовил свежих мидий и немного сырого мяса — всё самое свежее для восстановления сил.

Имюэль лизнул угощение. Его глаза блаженно сощурились. Кашица была мягкой и нежной. Вкус, хоть и неяркий, идеально подходил чувствительным рецепторам больного кота. Бай Юй мог быть каким угодно «мясником», но кошачьи обеды он готовил мастерски.

«Учитывая старания этого лекаря, когда я вернусь во дворец, я, пожалуй, выберу для него наказание полегче»

В последующие дни Имюэль каждое утро получал свежую пищу. То это были морепродукты, то говядина или другие виды мяса — всё тщательно измельчённое и дополненное порцией козьего молока. Лицо врача оставалось всё таким же суровым, а стук ножа на кухне стал для Имюэля привычным фоном, под который он даже научился засыпать.

Если не считать того первого дня, когда его привязали к операционному столу и вкололи что-то непонятное, жизнь в доме текла удивительно мирно. И вот, когда стук ножа раздался в очередной раз, Имюэль привычно толкнул дверь лапой и высунул голову в коридор.

Стук не прекращался. Герцог воровато прокрался к самой кухне и, спрятавшись за дверным косяком, снова заглянул внутрь.

«Он правда готовит это для меня?»

Он увидел врача. Силуэт Бай Юя был стройным и статным; с ракурса маленького кота он казался невероятно высоким. Мужчина был в домашней одежде, и пояс-корсет подчёркивал его узкую талию. Рука, державшая нож, была тверда и точна. Он нарезал мясо с таким изяществом, словно создавал произведение искусства.

[Хост, твой кот за тобой подсматривает]

— М? — Бай Юй слегка обернулся, глядя на дверь.

Имюэль: «!!!»

Он бросился наутёк, не оглядываясь. Его лапки лишь тихо «топ-топ-топ» простучали по полу. Бай Юй успел заметить лишь мелькнувший в проёме пушистый золотистый хвост. Он отложил нож и задумчиво потёр подбородок:

— Весьма бодрый. Похоже, восстанавливается хорошо, можно переходить к следующему шагу.

66 похолодела:

[К какому ещё шагу?]

Бай Юй не ответил, возвращаясь к работе.

И вот, когда Имюэль, вылизав дочиста миску с рыбой, уже собирался вздремнуть на подоконнике, его внезапно подхватили за загривок и подняли в воздух.

— ...Ми?

Имюэль растерянно уставился на лекаря. Его лазурные глаза были полны недоумения. Но, встретившись с холодным, не предвещающим ничего хорошего взглядом врача, он запоздало ощутил укол страха.

«Что он задумал?!»

Врач, прижимая его к себе, развернулся и пошёл вниз. Перед глазами Имюэля снова предстали стальная кушетка, потрёпанные занавески и ряды ржавых металлических

инструментов. Это была клиника.

Если второй этаж, где жил Бай Юй, был уютным и залитым солнцем, то первый, с его узкими окнами-бойницами, казался мрачным склепом, пропитанным запахом холода и смерти.

«...»

Лапы Имюэля начали холодеть. За неделю жизни в спальне он совсем забыл, что это и есть настоящее рабочее место лекаря. Бай Юй уложил его на холодный стол, снова затянул ремни и успокаивающе почесал кота под подбородком.

Сегодня был пятый день после операции — пришло время снимать швы. В эту эпоху ещё не знали саморассасывающихся нитей, и, если оставить их в теле слишком долго, могло начаться воспаление. Процедура была почти безболезненной и не требовала наркоза. Бай Юй зафиксировал кота, но, вернувшись с инструментами, заметил, что тот дрожит.

Лазурные глаза Имюэля были прикованы к нему. В этом взгляде читались совсем не кошачьи чувства: там была мольба и смертный ужас. Казалось, он безмолвно вопрошает:

«Разве... разве я не твой любимец?»

Но страх перед ветеринаром — дело обычное. Каждый кот боится клиники. Были пациенты, которые при виде Бай Юя сразу выпускали когти, затаив на него кровную обиду, но, как бы животное ни боялось, швы нужно было снимать. Бай Юй ласково погладил кота по голове и негромко произнёс:

— Тише, маленький. Всё хорошо, это быстро.

Когда холодный спирт коснулся кожи на животе, Имюэль резко напрягся. В прошлый раз, перед тем как игла вонзилась в плоть и пришла испепеляющая боль, его тоже протирали спиртом.

«Проклятье!»

Герцог снова заскрежетал зубами. Он чувствовал себя одураченным. Он ненавидел себя за то, что так легко доверился этому человеку, и презирал лекаря за то, как ловко тот им манипулировал. В тот миг гнев в нём смешался со страхом.

«Лекарь, тебе лучше не попадаться мне, когда я...»

Не успел он закончить угрозу, как Бай Юй уже расстегнул ремни на кушетке. Снятие швов — минутное дело для опытных рук. Имюэль, хоть и был напряжён до предела, даже не

почувствовал боли. Следом врач снял с него и Елизаветинский воротник.

— ...Ми?

Имюэль недоверчиво обернулся и впервые за эти дни увидел свой живот. На обнажённой коже рана уже почти затянулась, оставив после себя лишь неровный шрам. Выглядело это не слишком эстетично, но боли действительно больше не было.

«...?»

Значит... всё это время врач действительно лечил его?

Объяснение казалось невероятным, но оно было единственным логичным. Имюэль шевельнул хвостом, и его ярость мгновенно улетучилась. Он подозрительно уставился на свой живот. Зажило всё на удивление хорошо: ни крови, ни воспаления. Проблема была в другом... А где шерсть?!

На месте операции зияла огромная лысина, розовая и гладкая. На фоне остальной густой шубки это выглядело нелепо и сразу бросалось в глаза. В этот момент Бай Юй снял перчатки и бросил их в корзину. Заметив, как Туаньцзы разглядывает себя, он невольно усмехнулся.

— Ну и уродство, — холодно бросил врач.

<http://bllate.org/book/15869/1503992>